

Л. К. Рябова

ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ: ПОЛИТИК И ЕГО СТРАНА

Леонид Ильич Брежнев (1906–1982) руководил страной в течение 18 лет, срок достаточно большой, чтобы оставить след в истории и памяти нации. Как и любому крупному политическому деятелю, ему были свойственны успехи и неудачи, значимые решения и ошибки, твердость духа и человеческие слабости. Все это отобразилось и на эпохе, которую принято называть «брежневской» или эпохой «позднего социализма», а чаще — эпохой «застоя». И как любому политическому деятелю такого масштаба, ему, вернее, памяти о нем, была уготована непростая судьба. В исторической памяти лидер предстает не только на фоне жизни страны, но и ответственным за ее настоящее и будущее. Эта органичная связь неоспорима, и она будет прослеживаться в оценках современников и следующих поколений независимо от выносимого ими вердикта.

Предварить различные оценочные суждения хочется фрагментом из статьи известного британского историка, специалиста по русской истории, профессора И. Тэтчера «Брежнев как лидер» (2002). «Ни один лидер страны не был отвергнут так основательно, как Брежнев. И если Горбачев оставался убежден в том, что правление Сталина имело некоторые позитивные аспекты (коллективизация, индустриализация), то для правления Брежнева он не нашел таких “добрых” слов. “...” Был создан образ пустого, гедонистического плэйбоя, который захватил все лидирующие позиции только потому, что позволил советской элите наслаждаться плодами собственного правления»¹. Тэтчер, как и многие другие западные исследователи, обращают внимание на характеристику Брежнева, данную Р. Медведевым в работе «Личность и эпоха.

¹ *Thatcher I. D. Brezhnev as Leader // Brezhnev Reconsidered / ed. by E. Bacon & M. Sandle. Palgrave Macmillan, 2002. P. 22–23.*

Политический портрет Л. И. Брежнева». Здесь Медведев замечает, что Брежнев никогда не был тем, кого принято называть «великой» или «сильной» личностью, более того, «с точки зрения интеллекта и темперамента и с чисто карьеристской точки зрения Брежнев никогда не был даже выдающимся человеком»². Предлагая иной взгляд на Брежнева и его эпоху, Тэтчер пишет: «Вместо самой “поносимой” из всех советских руководителей репутации Брежнева, его следует скорее расценивать как одного из самых успешных экспонентов искусства советской политики. Весьма сведущий в вопросах управления, он продвигал коллегиальность и стабильность управления». При этом автор оговаривает, что следует делать различие между Брежневым как «менеджером советской политической игры и бюрократических интриг», в которых он был блестящ, и Брежневым как руководителем страны, в чем он был менее успешен. И если рассматривать брежневский период с точки зрения того, что было до него и что случилось позже, то это был «золотой век» советской системы³. Очевидно, поставить точку в дискуссиях о личности и роли Л. И. Брежнева в обозримом будущем будет невозможно. Задача историков сейчас — собирание документальных, мемуарных и иных свидетельств времени, могущих в комплексных исследованиях способствовать прояснению многих до сих пор «трудных» вопросов советской истории периода «позднего социализма».

* * *

К настоящему времени накоплен значительный массив того материала, который может составить источниковую базу для исторических исследований, а также лечь в основу различного рода суждений о личности Брежнева и СССР в период его руководства.

Прежде всего, невозможно не принимать во внимание официальные партийные и советские документы (стенограммы конференций и пленумов ЦК КПСС, резолюции съездов партии, речи на них Л. И. Брежнева и т. д.), которые, хотя теперь и не пользуются вниманием широкой читательской аудитории, тем не менее, отражают «курс партии», определяя в свое время наиболее важные направления политики и самые «больные» вопросы жизни страны и общества. Доступные и широко известные в свое время документы продолжают дополняться новыми, извлекаемыми из архивов материалами.

² Медведев Р. А. Личность и эпоха. Политический портрет Л. И. Брежнева. Кн. 1. М.: Новости, 1991. С. 9.

³ Thatcher I. D. Brezhnev as Leader. P. 32–33.

Несомненный интерес для понимания периода «позднего социализма» и роли в нем Л. И. Брежнева представляют его дневники и рабочие тетради, которые долгое время не были обнародованы. Эти документы содержатся в вышедшем в 2016 г. трехтомнике, подготовленном группой историков-архивистов под редакцией С. В. Кудряшова⁴. В издание включены документы из Архива Президента Российской Федерации, Российского государственного архива новейшей истории и Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. Как сказано в аннотации к первому тому, в нем впервые публикуются рабочие и дневниковые записи Л. И. Брежнева за период с октября 1964 по ноябрь 1982 год. Это уникальный исторический источник, позволяющий охарактеризовать различные аспекты партийно-политической и государственной деятельности Л. И. Брежнева, а также события и малоизвестные факты его личной и семейной жизни. Издание снабжено развернутым научно-справочным аппаратом. В качестве приложений в томе помещены сведения об основных датах жизни и деятельности Л. И. Брежнева, полный перечень его государственных наград (отечественных и зарубежных) и перечень съездов партии, пленумов ЦК КПС в 1952–1982 гг.⁵ Знакомство с этими документами в значительной мере позволяет преодолеть довольно устойчивый до сих пор «миф о маразме вождя»⁶. Выходят в свет и другие сборники документов, позволяющие взглянуть комплексно на отдельные стороны жизни страны в эпоху «позднего социализма»⁷.

Наиболее значимую по объему группу источников составили мемуары современников Л. И. Брежнева, написанные преимущественно в период «перестройки» и требующие некоторых предварительных замечаний, равно как и дневники известных

⁴ См.: *Брежнев Л. И. Рабочие и дневниковые записи. В 3-х томах. Т. 1. Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи. 1964–1982 гг.* М.: IstLitt, 2016; Т. 2. Записи секретарей Приёмной Л. И. Брежнева. 1965–1982 гг. М.: IstLit, 2016; Т. 3. Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи. 1944–1964 гг. М.: IstLit, 2016.

⁵ См.: Там же. Аннотация к изданию.

⁶ Миф о маразме вождя. Олег Назаров. Беседа с Сергеем Кудряшовым // Историк. URL: <https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/journal/26/mif-o-marazme-vozhdy-bd.html>

⁷ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1973–1978. Документы в 2-х тт. Т. 1. 1973–1976. Т. 2. 1977–1978 / Составители: Н. Г. Томилина (ответственный редактор), Т. Ю. Конова, Ю. Н. Муравьев, М. Ю. Прокуменщиков, С. Д. Таванец (ответственный составитель). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Т. 1. 2011.; Т. 2. 2012. СССР в борьбе за безопасность и сотрудничество в Европе: 1964–1987: сборник документов. Международные отношения, 1988 и др.

политических деятелей, составлявших «ближний круг» руководителя страны и партии.

Как отмечает российский и американский политический антрополог А. Юрчак, «исследования советской реальности осуществляются и распространяются в контекстах, де политический, нравственный и культурный смысл понятия «советский субъект» приобретает заведомо негативный оттенок, а понятие «сопротивление», наоборот, заведомо романтизируется. То, что многие исторические исследования в постсоветский период проводятся именно под этим углом, безусловно сказывается и на их выводах⁸. Но в большей степени эта особенность касается мемуаров и дневников, на что обращает внимание А. Юрчак: «Так, по причинам, связанным с природой советской системы, значительная доля ее критических исследований производилась и производится за пределами ее пространственных и временных рамок — либо за рубежами советского государства, либо после того, как оно прекратило свое существование. Это означает, что такие исследования проводятся и публикуются в контекстах, которые в политическом, нравственном и культурном смысле заведомо относятся к таким понятиям, как советский субъект или социализм, не нейтрально, а с определенной негативностью. То, что наблюдатель расположен именно в этих контекстах, безусловно, сказывается на его анализе. Рогов, например, показал, что между дневниками, которые велись советскими людьми в 1970-е годы, и воспоминаниями о советской жизни, которые были написаны в перестройку и после нее, существует огромная разница. Она заключается не просто в авторской манере или языке, а, в первую очередь, в оценке советской действительности (которая проявляется как в явных высказываниях, так и в фоновых, несформулированных послылках). Мемуары, в отличие от дневников, описывают советскую систему и отношение к ней автора в терминах, которые появились уже после распада системы, и тяготеют при этом к гораздо более критической оценке социалистической жизни»⁹.

О критическом «крене» в мемуарах соратников Л. И. Брежнева пишут довольно много. В данном случае уместно сослаться на мнения зарубежных исследователей как не столь заметно вовлеченных в продолжающееся противостояние точек зрения (либеральных и апологетических), что отражается довольно явно в отечественной

⁸ См.: Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Алексей Юрчак; предисл. А. Беляева; пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 25.

⁹ Там же.

историографии «застоя» и «перестройки». На эти особенности мемуаров обращают внимание западные исследователи, отмечая несомненную зависимость мемуаристов от запросов времени. В работе американских историков Д. Файнберг и А. Калиновского замечено: «Многие эмоции, просматривающиеся в этих текстах, объясняются ролью мемуаристов в начатых Горбачевым реформах, связанных с окончательным распадом Советского Союза. Содержащиеся в них суждения (опубликованные в газетах выдержки из интервью и статей, опирающихся на эти воспоминания) способствовали закреплению негативного восприятия этого периода в СССР и за рубежом. Однако это не означает, что их представления об этом периоде возникли только после 1985 г., хотя, возможно, тогда они и выкристаллизовались»¹⁰. Эти оценки историки фиксируют в мемуарах Георгия Арбатова, Анатолия Черняева, Карена Брутенца, Александра Яковлева и других «реформаторов», сыгравших влиятельную роль в проведении перестройки. Арбатов, например, называет период от 1975–1982 годы «апогеем застоя», поясняя, что до середины 1970-х гг. поиск решений не прекращался¹¹. Наиболее же ценным источником для современного взгляда на проблему историки называют дневник Анатолия Черняева¹² за брежневские годы, поскольку он позволяет провести различие между взглядами Черняева в то время и его сочинениями после 1985 года¹³. «Дневник Черняева свидетельствует о большом разочаровании экономическим положением страны и неспособностью руководства что-либо с этим поделать. Хотя Черняев не употреблял в своих дневниковых записях слова «застой», запечатленные им тогда впечатления передают общее ощущение упадка и неподвижности. <...> Дневник Черняева свидетельствует о том, что такие чувства не были редкостью среди более либерально настроенных членов партии, а также среди более консервативных, или среди кадров КГБ и военных, которые считали, что коррупция зашла слишком далеко. Валерий Болдин, начальник штаба Горбачева,

¹⁰ *Fainberg D., Kalinovsky A. Reconsidering stagnation in the Brezhnev era: ideology and exchange / edited by Dina Fainberg and Artemy Kalinovsky. Lanham: Lexington Books, 2016. (Introduction: Stagnation and Its Discontents: The Creation of a Political and Historical Paradigm). P. IX.*

¹¹ См.: *Ibid.*

¹² Анатолий Сергеевич Черняев — советский историк и партийный деятель, помощник М. С. Горбачева. В 1961–1986 гг. работал в Международном отделе ЦК КПСС. Автор книг «Дневник помощника Президента СССР», «Совместный исход. Дневники двух эпох. 1972–1991 годы»; и др.

¹³ См.: *Fainberg D., Kalinovsky A. Reconsidering stagnation in the Brezhnev era: ideology and exchange. P. IX–X.*

который в конечном итоге отвернулся от него, поддержал августовский путч 1991 года и написал язвительные воспоминания о своей работе с Горбачевым, описывая этот период примерно в тех же терминах, что и Черняев, и Арбатов. Болдин ссылался на «застой и деградацию» в экономике, а также на повсеместную коррупцию в партийных рядах¹⁴. Значение дневников А. С. Черняева высоко оценивает российский историк А. С. Пученков, отмечающий, что в них важен взгляд «профессионального историка и в то же время ответственного работника ЦК КПСС, многие годы прослужившего в аппарате ЦК и принимавшего участие в подготовке многих речей Л. И. Брежнева. Оставивший после себя объемные воспоминания, А. С. Черняев по праву считается одним из самых авторитетных и вдумчивых летописцев огромной эпохи — от Сталина и до распада СССР. Мемуарные труды Черняева поистине важнейший источник для анализа позднего этапа советской истории, их автор не только был близок к кремлевским вождям, но и обладал совершенно очевидными способностями к аналитике и обобщению»¹⁵.

Продолжая тему мемуарного наследия, нужно отметить, что представленный мемуаристами взгляд на личность Л. И. Брежнева и его эпоху определялся не только политической ориентацией и идейными предпочтениями авторов, но и в значительной мере интеллектуальным их уровнем, способностью видеть дальше «кабинета». В этом отношении интересны тексты А. М. Александрова-Агентова, Г. А. Арбатова, Г. Х. Шахназарова и некоторых других лиц из числа советников Л. И. Брежнева и дипломатов, дававших панорамное видение страны и ее лидера в контексте эпохи.

Вместе с тем ценность представляет и взгляд партийных деятелей и чиновников «попроще» интеллектом, чье образование, несмотря на блистательную по советским меркам карьеру, не позволили им в их литературном труде возвыситься до «эстетического восприятия действительности» или до аналитики на уровне политической науки. Но в их наследии просматривается «человеческое, слишком человеческое», что, безусловно, заслуживает внимания. Таковы, например, воспоминания В. В. Гришина, Ю. М. Чурбанова и некоторых других лиц, которые подкупают простотой и непосредственностью мысли, а также, судя по всему, искренней болью за «порушение» памяти о Л. И. Брежневе и искажении многих фактов не только его биографии, но и истории страны.

¹⁴ См.: Ibid. Р. Х.

¹⁵ Пученков А. С. От Брежнева к Горбачёву: страницы политической жизни в СССР глазами Анатолия Черняева // Вопросы истории. 2020. № 10–2. С. 15.

В мемуарах зятя Брежнева Ю. М. Чурбанова, писавшихся в лагере и впервые опубликованных сразу после его освобождения из тюрьмы в 1993 г., замечено, что «количество статей о Леониде Ильиче в последнее время не уменьшилось, наоборот, их стало больше. Пусть робко, но зато сейчас все чаще и чаще высказываются уже не такие однозначно отрицательные оценки, как это было в первые годы перестройки. Тем не менее, голос людей, которые действительно знали Леонида Ильича и в силу служебной необходимости видели, как он работает, все еще звучит очень осторожно. Правда пробивается по капле. Ведь кто в основном пишет о Леониде Ильиче? Только журналисты. Это они у нас знают все на свете, все абсолютно. Есть публикации, которые — сразу скажу — вызывают лишь чувство отвращения. С ними я спорить не буду. О них нельзя говорить всерьез. В других статьях есть, наверное, какие то крупинцы правды, но они, эти крупинцы, все равно густо смешаны с разного рода догадками, слухами или просто сплетнями, часто выходящими за границы здравого смысла¹⁶. Даже при самом критическом отношении к мемуарам Ю. М. Чурбанова нельзя не признать правоту его оценки значительного массива нарративов, накопившегося к началу 1990-х гг., среди которых обнаруживаются издания крайне сомнительного содержания, иногда откровенные фальшивки. Так, в 1991 г. на Украине вышла небольшая книжка под названием «Сенсационные записки Л. И. Брежнева, а также слова, говоренные им во время застолий, в записи средств подслушивания ЦРУ»¹⁷. Уже само название брошюры, не говоря о ее содержании, носит определенно глумливый характер, а достоверность приводимых свидетельств вызывает большие сомнения.

Мемуарный «блок», посвященный Л. И. Брежневу, будет неполон, если не обратиться к запискам его западных современников, руководителям государств (В. Брандт, Ж. де Эстэн и др.), крупным политическим деятелям (Г. Киссинджер), с которыми Брежнев встречался не раз и с некоторыми из них имел достаточно личные, доверительные отношения. В этих мемуарах перед нами два Брежнева — до 1975 г., т. е. до болезни — энергичный, обаятельный (что немаловажно), уверенный в себе, компетентный политик западного типа (что отмечено не раз, в том числе и в зарубежных

¹⁶ См.: Чурбанов Ю. М. Мой тесть Леонид Брежнев. М.: Алгоритм, 2013. С. 25.

¹⁷ Сенсационные записки Л. И. Брежнева, а также слова, говоренные им во время застолий, в записи средств подслушивания ЦРУ. Белая Церковь: Гортипография, 1991.

публикациях). Другой Брежнев — обремененный недугами, вызывающий сочувствие, но продолжающий работать политик.

Самостоятельной и весьма значительной по объему и содержанию группой источников стала зарубежная публицистика конца 1960-х — начала 1980-х годов, как эмигрантская, так и советологическая, в том числе и публицистика в специальной, узкой области — кремленологии.

Восприятие брежневского периода на Западе отражено в двух группах работ — газетных и журнальных публикациях «быстрого реагирования», отображающих рефлексии на текущие события как «повестку дня», и работах аналитического характера, авторы которых обобщали уже эпоху как таковую в ее сравнении с предшествующими десятилетиями советской истории. Наибольший интерес в этом отношении представляет американская периодика, в частности журнал «Foreign Affairs», который с момента своего основания в 1922 году и до сих пор остается самым авторитетным и влиятельным изданием, посвященным внешней политике США. Являясь печатным органом Совета по международным отношениям, журнал привлекал к сотрудничеству интеллектуальную элиту страны, в том числе специалистов по советской России. Как заметил журналист «The New York Times» Глен Фойлер, список авторов «Foreign Affairs» выглядит как список участников конференции, которая длилась полвека¹⁸. В этой «конференции» внимание было уделено и Л. И. Брежневу.

СССР рассматривался в журнальных публикациях достаточно всесторонне (экономика, «дела в Кремле», правозащитное движение и др.), хотя основным направлением журнала оставалась внешняя политика. Одно из серьезных обзоров внешнеполитического курса 1970-х гг. было предпринято дипломатом и политологом, специалистом по русской истории С. Толботтом в статье «Советско-американские отношения: от плохого к худшему»¹⁹, написанной сразу же после ввода советских войск в Афганистан. Последнее послужило поводом для обобщения хода событий целого десятилетия по всем направлениям внешней политики Брежнева, а также и для того, чтобы оценить, стабильно ли положение в Кремле самого вождя: «Но из событий в Афганистане невозможно сделать вывод о том, означало ли это, что сам Леонид Брежнев потерял влияние в руководстве. В конце концов, как бы

¹⁸ См.: Glenn F. Hamilton Fish Armstrong Dies at 80: Foreign Affairs Quarterly Ex-Editor // The New York Times, 1973, April 25. P. 46.

¹⁹ Talbott St. U. S.-Soviet Relations: From Bad to Worse // Foreign Affairs. 1979. Vol. 58. No. 3. Pp. 515–539.

Брежнев ни отождествлял себя с ОСВ и разрядкой, он не был сторонником мягкотелости и не был чужд вторжениям»²⁰. Толботт замечал в связи с этим, что кризис власти в России был бы менее всего в интересах США, тем более, что разногласия в американских правящих кругах были весьма серьезными, и «в конце 1979 года Соединенные Штаты как никогда были озабочены проблемой того, как вести себя с русскими»²¹.

Что же касается внутреннего положения СССР, то наиболее обстоятельно оно было рассмотрено американским советологом, историком, автором фундаментальных биографий Сталина Р. Такером в статье «Раздутое государство, истощенное общество: сталинское наследие брежневской России»²². Описывая иерархическую структуру власти, Такер ставит вопрос, дискутируемый до сих пор в рамках «ревизии позднего социализма», о допустимости аналогий брежневского СССР с периодом сталинизма. «Следует ли тогда описывать брежневский период как период возрождения сталинизма? Несмотря на реакционные тенденции, такая характеристика была бы неуместна. Возобновление военного строительства и связанные с ним экономические приоритеты далеки от возрождения сталинского процесса государственного строительства в его модели революции сверху»²³. Рассматривая практически все стороны советской действительности конца 1970-х гг., Такер пишет о состоянии социума: «Советские люди, в своем подавляющем большинстве, недоедают, не имеют жилья и почти всего остального, за исключением недоуправления, недонадзора и недопропаганды»²⁴. В общем контексте понимания кризиса общества в современной ему России советолог выделяет главную компоненту этого кризиса — потерю веры в официальный миф о советском коммунизме: «Люди в массе своей перестали верить в трансцендентную важность будущего коллективного состояния под названием «коммунизм». Они перестали верить в вероятность прихода общества к такому состоянию и в желательность попыток его достижения через руководящую роль Коммунистической партии или через самих себя как «строителей коммунизма»²⁵. В прогнозе будущего России Такер видит необхо-

²⁰ Ibid. P. 538.

²¹ Ibid. P. 523.

²² *Tucker R. C. Swollen state, spent society: Stalin's legacy to Brezhnev's Russia // Foreign Affairs. 1981. No. 60 (2). Pp. 414–435.*

²³ Ibid. P. 429.

²⁴ Ibid. P. 431.

²⁵ Ibid. P. 432.

димось либерализации государства, что с учетом исторических традиций и политической культуры страны возможно при сильном политическом руководстве сверху. Вместе с тем он подчеркивает статус СССР как великой державы, что отмечалось в большинстве публикаций того периода.

В статье редактора «Foreign Affairs», американского политика У. Дж. Хайланда «Брежнев и не только» просматривается озабоченность растущей мощью страны, хотя автор и обозначает вместе с тем проблемы экономического развития. Хайланд отмечает «твердый, неопровержимый факт — Советский Союз при Леониде Брежневе шаг за шагом усиливал свое военное положение до такой степени, что баланс сил, в котором на протяжении десятилетий доминировали Соединенные Штаты и их союзники, оказался под угрозой смещения в пользу СССР, что и происходило»²⁶. Автор замечает, что у Брежнева были свои приоритеты, хотя он старался продвигать их постепенно — в основе должна была быть тяжелая промышленность, затем оборона, сельское хозяйство и, наконец, благосостояние народа. И как итог — «брежневская эпоха была очень успешной. Политическая ситуация стабилизировалась на золотой середине между различными эксцессами предыдущих периодов. Рост общего уровня жизни был впечатляющим, особенно по “социалистическим” меркам. Внутриполитическое инакомыслие безжалостно подавлялось. И важнее всего, Россия, наконец, стала великой державой мирового масштаба, по крайней мере, в военном отношении равной своему главному противнику на Западе»²⁷. Отмечая, что «брежневская эпоха» подходит к концу, Хайланд пишет, что «Брежнев оставит более сильное наследие, чем то, которое он унаследовал: СССР — действительно глобальная сверхдержава с перспективными возможностями и значительными геополитическими преимуществами»²⁸.

Продолжая обзор западной аналитики этого времени, нужно отметить, что «советологи часто имели гораздо более тонкое представление об этом периоде, чем популярные комментаторы. <...> Одни видели в брежневском режиме управление быстро меняющимся и все более сложным обществом с различными группами интересов. Другие отмечали, что советское общество становилось все более образованным и урбанизированным — явление, следует отметить, не ограничивающееся центральной Россией,

²⁶ Hyland W. G. Brezhnev and Beyond // Foreign Affairs. 1979. No. 1 (58). P. 60.

²⁷ Ibid. P. 56.

²⁸ Ibid. P. 52.

но, возможно, даже более заметное в некоторых республиках. Модель “конвергенции” в ее различных формах показала, что социально-экономические преобразования, происходящие в СССР и на капиталистическом Западе, делают их все более похожими. В работе 1978 года крупнейший на Западе специалист по советской экономике Алек Ноув отметил общее улучшение ситуации в сельском хозяйстве в период после свержения Хрущева, в то время как Арчи Браун отметил очевидную способность режима вести переговоры между различными группами и поддерживать «ограниченный институциональный или бюрократический плюрализм. Советолог Северин Биалер описал 1976–1982 годы как период “внутреннего застоя, сопротивления переменам и зарубежных авантюр с сомнительными долгосрочными последствиями и явно негативными краткосрочными последствиями”. В то же время он упрекнул других наблюдателей в том, что они упускают из виду впечатляющие советские достижения, в частности рост уровня жизни, успешную кооптацию интеллектуальной элиты и нерусских в советский порядок, а также способность системы обеспечить восходящую мобильность и участие в местной политике и управлении без вызовов в сфере высокой политики»²⁹.

Приведенные здесь мнения весьма компетентных специалистов-советологов не исчерпывают всего многообразия тем и оценок в многочисленных зарубежных публикациях, но они демонстрируют проблемные доминанты в аналитике «позднего социализма».

Вместе с тем обзор зарубежной публицистики будет неполон без обращения к эмигрантской политической литературе, поскольку именно здесь в наиболее яркой и явной, открытой форме было провозглашено неприятие системы. Диссидентская идеология, особенно развившаяся в эмиграции, сыграла значительную роль в становлении концепта «застоя», окончательно сформулированного в период перестройки. Многочисленные тексты «самиздата» и публикации в западных изданиях и эмигрантских журналах являют собой отдельный и весьма солидный корпус источников, свидетельствующих о том, как накапливалась «критическая масса» антисоветского нарратива, и как в ходе перестройки протекал процесс его «внедрения» (часто перепечатка текстов) уже в российскую периодику, а, соответственно, и в сознание народа.

При этом, рассматривая диссидентские тексты, нужно учитывать особенности эмигрантской среды, ее неоднородность, масштаб

²⁹ См.: *Fainberg D., Kalinovsky A. Reconsidering stagnation in the Brezhnev era: ideology and exchange / edited by Dina Fainberg and Artemy Kalinovsky. Lanham: Lexington Books, 2016. P. XII.*

личности и таланта пишущего человека, его ориентированность на конкретные идеалы и принадлежность к тому или иному течению общественно-политической мысли. Исследователи выделяют три таких направления: славянофильство, западничество и социализм, причем каждое из течений в 1960–1980-е гг. было представлено в консервативном и либеральном вариантах³⁰. Принимать во внимание следует и род деятельности, уровень знаний в конкретной области, о которой судит автор и, конечно, личный опыт жизни в СССР.

Тематика эмигрантских публикаций охватывала практически все стороны советской действительности — экономику, общество, внешнюю политику, национальный вопрос, идеологию и многое другое, но все они, в конечном счете, сводились к ключевому вопросу — права человека в СССР, проблемы «гражданского общества».

Обращение к проблеме гражданского общества требует, прежде всего, определения тех смысловых границ, которыми оно должно быть очерчено. Имея длительную, с XVIII в., историю становления и развития, теория гражданского общества обретает особую актуальность во второй половине XX в. Вместе с тем становится очевидным отсутствие универсального его определения и необходимость относительного (во временном и цивилизационном контексте) его рассмотрения. Так, возникают определенные сложности при изучении и концептуализации гражданского общества в эпоху постсоциализма³¹, требуется учитывать различие между гражданским обществом как социальным движением и социальным институтом³², идеологические (либеральные и нелиберальные) его трактовки и другие факторы. Для эмигрантской же аналитики было характерно сведение этого понятия преимущественно к проблеме прав человека, поднятой в рамках диссидентского движения, хотя появлялись тексты, в которых давалась и более широкое его толкование. Другой же особенностью этих работ было сведение проблем гражданского общества к свойствам тоталитарного строя.

Из множества сторон «советской действительности», становившихся предметом критики на Западе, тема гражданского обще-

³⁰ См.: Pivovarov E., Bezborodov A., Eliseeva N. Assessment of the Period of Brezhnev's Rule and the Role of the Dissident Movement // Istoriya. URL: <https://history.jes.su/s207987840001271-7-2/?sl=en> (дата обращения: 26.10.2021).

³¹ См.: Салменниemi Суви. Теория гражданского общества и постсоциализм // Журнал исследований социальной политики. 2009. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-grazhdanskogo-obschestva-i-postsotsializm> (дата обращения: 16.10.2022).

³² См.: Волков В. Общественность: забытая практика гражданского общества // Pro et contra. 1997. Т. 2. № 4. С. 77–91.

ства, «человека в государстве», привлекала наибольшее внимание аналитиков. Особенно остро она начала обсуждаться в связи с принятием новой конституции 1977 г., событием, нашедшим отражение в западных СМИ, эмигрантской периодике («Новом журнале», «Континенте», «Синтаксисе» и др.), а также в академических изданиях. До сих пор эта тема продолжает оставаться одной из ключевых и в современной российской и зарубежной историографии эпохи «позднего социализма». Самостоятельный интерес представляет компаративный анализ публикаций конца 1970-х — начала 1980-х гг. и 2000-х гг.

Как известно, широкий резонанс на Западе имели выступления известных диссидентов и правозащитников А. Д. Сахарова, А. И. Солженицына, В. К. Буковского и других, чьи речи, статьи, интервью теперь уже стали «классическими», и их идейное наследие, вклад в борьбу с советской властью достаточно полно отражены как в советологической литературе и современной русистике, так и в российской историографии. Вместе с тем наряду с хорошо известными деятелями оппозиции в зарубежной прессе и эмигрантских изданиях публиковались авторы, тексты которых также заслуживают внимания в силу достаточно значимого числа и ряда особенностей, отличавших их от яркой публицистики названных выше знаковых фигур.

Появление наиболее резонансных статей в западной прессе, как отмечалось выше, было вызвано принятием в октябре 1977 г. новой Конституции СССР. Первыми рефлексиями на это событие, наиболее яркими и эмоциональными, равно как и предельно критическими, оказались публикации в эмигрантских изданиях. В частности серия статей была опубликована в «Новом журнале» (продолжающееся издание), выходящем в Нью-Йорке с 1942 г. и накопившем к 1970–1980-м гг. богатый «портфель» политической публицистики. Рубрику «Политика и культура» в осеннем номере журнала за 1977 г. открывала статья известного советолога, историка и диссидента А. Г. Авторханова с названием-диагнозом «Антиконституция СССР»³³. Уже с самого начала автор исходил из тезиса о том, что в новой советской конституции ничего нового нет. «Над нею «проработали» почти два десятилетия (впервые о ней заговорил Хрущев в 1959 г. на XXI съезде). Работали, как говорил Л. Брежнев, «не спеша». Работали главным образом ножницами и клеем — резали куски из Программы партии Хрущева и приклеивали их к кускам из конституции Сталина.

³³ Авторханов А. Антиконституция СССР // Новый журнал. 1977. Кн. 128. С. 179–197.

В результате по выражению «Нойе Цюрхер Цейтунг», — гора родила мышь!»³⁴ Советский основной закон определялся в статье не как юридический акт, а как политический документ, в котором узаконена тоталитарная концепция «слияния властей» вместо теории «разделения властей» современного правового государства и в котором определен примат государства над правом. Анализируя текст конституции, Авторханов констатирует также «узаконение диктатуры партии», интеграцию народов вместо федерализма, «антиконституционную действительность», сведение «на нет» прав и свобод граждан при формальном увеличении числа этих прав: «...Сталин в своей конституции давал советским гражданам всего лишь “десять прав и свобод”, а вот Брежнев их увеличил в два раза — они имеют теперь целых двадцать!»³⁵. Из статьи следует, что гражданского общества в СССР нет и быть не может, и если в западных конституциях «государство для человека», то в советской конституции — «человек для государства»³⁶. Несколько позже, в 1979 г., в издательстве «Посев» была опубликована работа Авторханова «Сила и бессилие Брежнева»³⁷, куда вошла и эта статья.

Тема была продолжена в помещенной в этом же номере статье В. Зубова (псевдоним эмигрировавшего в 1975 г. диссидента, литератора и публициста В. В. Енютина. — Л. Р.) «Разрушение государственного сознания в СССР»³⁸, в которой автор отрицал не только существование в стране гражданского общества, но и «общественности» как таковой. Тезис о том, что СССР всё более становится обществом без общественности, чистым государством, «в отличие от которого тоталитарное общество всё же — общество», стал доминантой текстов Зубова.

«Карьерный и профессиональный фанатизм, крайности пьянства, гипертрофированное самоутверждение и чувство соперничества в человеческих отношениях, обилие «чудачеств» — чрезмерного увлечения частностями жизни, например, каким-нибудь хобби, наконец, фанатизм творческой работы (все советские достижения в науке и технике, в искусстве, спорте — обязаны этому нечеловеческому надрыву, жертвы собой молоху того или иного частного дела) — вот проявления гипертрофии локальных сфер

³⁴ Там же. С. 179.

³⁵ Там же. С. 191.

³⁶ Там же. С. 192.

³⁷ Авторханов А. Сила и бессилие Брежнева. Политические этюды. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1979. 2-е изд., дополненное. 1980.

³⁸ Зубов В. Разрушение государственного сознания в СССР // Новый журнал. 1977. Кн. 128. С. 224–234.

из-за невозможности для людей безбоязненно интересоваться общими. «...» Так и живёт советское государство, живёт без ответственности, формально скреплённое, человеческое сообщество без души»³⁹.

Отдельной темой проходит мысль об ощущении у советского человека глубокой внутренней неудовлетворённости. «Последняя может быть скрыта и от него, и от окружающих, и может выявиться только при очень глубоком личном контакте (к которому советские люди вообще не приспособлены и от которого панически шарахаются, будучи при поверхностном общении способны произвести впечатление приятных и умиротворённых, на что “клюют” легковёрные американские туристы)»⁴⁰.

Этот пассаж автора невозможно оставить без комментария, ибо он находится в полном противоречии (сознательном, надо полагать, в противном случае это просто признак невежества) с базовыми представлениями о ментальных свойствах народа, хорошо известных, в том числе и на Западе. Относительно «легковёрных американских туристов» следует заметить следующее. Значительное число американских «советологов», а потом русистов, при этом весьма известных, в 1970–1980-х годах работали над своими исследованиями непосредственно в СССР, имея возможность не просто общаться с советскими людьми, но и с головой погрузиться в советскую повседневность. Критика системы в их трудах, однако, не сопровождалась теми характеристиками, которые зачастую давались советским людям уехавшими из страны, в данном случае В. Зубовым. Современная исследовательница А. С. Крымская проделала впечатляющую по объёму работу, в которой на основе анализа воспоминаний, интервью и отчетов американских стажеров, побывавших в 1958–1978 гг. в советских университетах, отобразила процесс восприятия западным человеком советского образа жизни⁴¹. Разнообразные по оценкам советской действительности и вниманию к тем или иным деталям жизни, эти суждения, тем не менее, не оставляют сомнения в признании американцами определенных достоинств советской ментальности и человеческих отношений, что очень точно было выражено в одном из текстов: «В то время как американцы охраняли свою частную жизнь и бессознательно нормировали свое время, выделенное для тех,

³⁹ Зубов В. Разрушение государственного сознания в СССР. С. 232, 234.

⁴⁰ Там же. С. 234.

⁴¹ См.: Крымская А. С. Советский образ жизни глазами американских стажеров 50–70-х гг. XX века: из воспоминаний и интервью // Новейшая история России / Modern history of Russia. 2013. № 2.

кто находился за пределами семьи, русские, казалось, были вовлечены в бесконечную сеть человеческих отношений и взаимной поддержки, как физической, так и интеллектуальной»⁴².

Безусловно, мы не можем абсолютизировать эти оценки и представлять их как принадлежащие всем изучавшим или наблюдавшим Советский Союз. В западных изданиях и СМИ публиковалось достаточно травелогов и журналистских зарисовок, изображавших реалии советского быта брежневской эпохи и типаж *homo sovieticus* в самых мрачных тонах. Достаточно и советологических сочинений, выстраивающих неприглядный образ социума в целом, базирующийся как на устойчивых стереотипах, сложившихся еще несколькими веками ранее, так и на новейших методологиях. Крайне странными, например, выглядят суждения американского литературоведа-русиста и культуролога Д. Ранкура-Лаферрьеря, изучающего русских/советских людей методами психоанализа⁴³. Не менее странной кажется и мысль упоминавшегося выше В. Зубова, заявившего в статье «Собаки в СССР», что «советский человек ищет существо, которое бы терпело полный над собой контроль, и часто предпочитает заводить собак, чем детей. Впечатление такое, что люди пытаются компенсировать собственную малость и бесправие в социальной жизни абсолютной властью над собственной собакой», проигрывая, таким образом, в отношениях с собакой «одновременно обе позиции тоталитарных отношений — повелителя и раба»⁴⁴. Увлечение собаками («собачий карьеризм») вызвано тем, что советские люди не знают «тайнства непосредственного общения друг с другом», что есть одна из глубоких особенностей советского человека.

Вместе с тем нельзя не признать и определенную, а иногда безусловную, компетентность ряда авторов, занимавших до своего отъезда из СССР весьма высокие должности в экономическом, военно-промышленном, аграрном и других секторах, а потому публиковавшие довольно серьезные тексты. Одним из таких специалистов был эмигрировавший (стал невозвращенцем) в 1971 г. и работавший затем в Великобритании в Кембриджском университете советский ученый-физик А. П. Федосеев. В 1976 г.

⁴² Там же. С. 136.

⁴³ См.: Ранкур-Лаферрьер Д. 1) Россия и русские глазами американского психоаналитика: В поисках национальной идентичности / Пер. с англ. А. П. Кузьменкова. М.: Ладомир, 2003; 2) Рабская душа России: проблемы нравственного мазохизма и культ страдания. М.: Арт-бизнес-центр, 1996 и др.

⁴⁴ Зубов В. Собаки в СССР // Новый журнал. 1978. Кн. 130. С. 231. 229–239.

в издательстве «Посев» вышла его книга «Западня. Человек и социализм»⁴⁵, в которой автор обнаружил глубокое понимание механизма функционирования советского «позднего социализма». Автобиографическая канва «кавалера орденов Ленина, Трудового Красного Знамени; лауреата Ленинской премии; доктора наук; члена президиума междудементовенного координационного совета; члена президиума научно-технического совета НИИ; члена ученых советов нашего НИИ, МЭИ, Института электронного машиностроения и нескольких других; члена экспертной комиссии высшей аттестационной комиссии; председателя конструкторской секции НТС НИИ; начальника привилегированной лаборатории; главного конструктора и научного руководителя длинного ряда важнейших правительственных работ» [19, с. 198]⁴⁶ воспроизводит не только опыт научной деятельности, но и практики управления и соприкосновения с властью. Этот опыт в совокупности с логикой ученого привели А. П. Федосеева к «пониманию сущности социализма», которая и была проанализирована им во второй части книги («Что такое социализм?»), дополненной схемой «Логическая структура развития социализма».

Отдельного внимания заслуживает вышедшая в 1980 г. в Лондоне объемная работа А. П. Федосеева под названием «О новой России. Альтернатива»⁴⁷, в которой был прописан проект новой Конституции России, а также представлен «Проект перехода от социализма к Новой России». Этот переход, полагал автор, должен состояться в результате переворота.

«Трудно представить себе, как произойдет начало переворота в СССР. Во всяком случае, автор себе этого не представляет. Пожалуй, наиболее удобной формой было бы нечто, вроде дворцового переворота, когда, скажем, группа молодых, активных и демократически (антимарксистски и антисоциалистически) мыслящих людей пробивается к власти и захватывает ее. Конечно, в условиях советского отбора кадров в высший аппарат, это маловероятно, однако, возможно»⁴⁸.

Время начала переворота, отмечал Федосеев, имеет существенное значение. «Хотелось бы начать в феврале-марте, так как впереди будет довольно длинный период лета и осени, в течение которого

⁴⁵ Федосеев А. П. Западня. Человек и социализм. Frankfurt/M.: Посев, 1976.

⁴⁶ Этот перечень дается в книге А. П. Федосеева. С. 198.

⁴⁷ Федосеев А. П. О новой России. Альтернатива. London: Overseas publications interchange LTD, 1980.

⁴⁸ Там же. С. 313.

население может легче переносить неожиданные и вероятные осложнения»⁴⁹. Дальнейший ход преобразований (чтобы не сказать «перестройки» — Л. Р.) должен пройти, по мнению ученого, в несколько этапов (четыре этапа, сопровождаемые несколькими Декретами). Первый этап, «сразу после захвата власти», должен будет начаться с некоего «Воззвания», публикуемого по радио, телевидению, в газетах. Этот любопытный фрагмент книги достоин воспроизведения, поскольку, с одной стороны, отражает сознание человека своего времени, а с другой — позволяет сопоставить диссидентское видение будущего с реальным его воплощением в 1980-х — 1990-х гг.

«ВОЗЗВАНИЕ

Дорогие граждане!

Новый состав Политбюро пришел к выводу, что настала пора реальных реформ, целью которых является следующее:

1.1 Постепенное возвращение каждому гражданину свободы жить и устраивать свою жизнь так, как он хочет сам, а не по указке сверху. Конечно, не во вред другим гражданам!

1.2 Постепенно ликвидировать централизованное планирование, развить самостоятельность всех граждан и придти к обществу, в котором право гражданина «весит» не меньше, чем право государства, партии, профсоюза, а в определенных вопросах — значительно больше. К обществу, в котором государство является слугой, а не хозяином и, к тому же, плохим.

Новый состав Политбюро опубликует в период 2–4 лет проект новой Конституции, за или против которой может свободно и тайно голосовать каждый гражданин СССР в будущем референдуме.

Новый состав Политбюро опубликует в период 2–4 должать выполнять свои прежние обязанности впредь до соответствующего указания. Это необходимо для того, чтобы произвести необходимые преобразования постепенно, не нарушая порядка. Конечно, не может быть коренных преобразований, которые бы не потребовали определенных жертв и лишений от населения или от определенных групп населения. Однако, хаос может все это чрезвычайно усугубить. Новый состав Политбюро поэтому просит всех граждан СССР содействовать всеми силами проведению давно необходимых преобразований организованно, в порядке, к пользе каждого и нашей великой страны в целом»⁵⁰.

Что же касается проекта Конституции, предлагаемого Федосеевым, то обращает на себя внимание характер его составления «от противного», т. е., все ограничительные и запретительные законы или же реалии жизни (запрет на выезд за рубеж, на распространение информации и литературы и т. д.) прописывались особо. Первый раздел конституции «Права и обязанности граж-

⁴⁹ Федосеев А. П. О новой России. С. 317.

⁵⁰ Там же. С. 317–318.

дан», по сути, воспроизводил идеальное гражданское общество. Специальный раздел был посвящен «мерам против чрезмерной концентрации власти над людьми». Здесь же нужно заметить и «синдром усталости» от руководящей роли партии. Изучивший государственный строй европейских стран, Федосеев заключает, что «многопартийный хрен оказывается не слаще однопартийной редьки», а поэтому в будущей России следует учесть «этот урок» и установить вместо однопартийной или многопартийной беспартийную систему, которая была бы прописана в конституции вместе с Верховным судом для гарантии сохранения последней.

Не меньший интерес представляют многочисленные публицистические статьи А. П. Федосеева в эмигрантских журналах, которые перепечатывались и в западных СМИ. Тема подавления социализмом как системой творческой личной свободы людей, страдающих от «диктата многочисленных хозяев в виде чрезмерных государства, партии, профсоюзов, корпораций», оставалась одной из ведущих в его аналитике советского общества⁵¹. Тексты носили, как правило, характер научных публикаций и впечатляли глубокими познаниями автора в области экономики и сравнительной социологии. Интересны его оценочные интенции, сменившиеся в конце 1990-х гг. на жесткую критику капитализма, от следования по пути которого автор будет предостерегать Россию и при котором корпорации являются «системой воровства, коррупции, обмана, спекулятивного грабежа населения и ведут капитализм к экономической и социальной катастрофе»⁵².

Аналитические статьи, безусловно, имели место и в других журналах, издававшихся эмигрантами «третьей волны», авторы которых касались самых различных сторон жизни советского государства, от изучения «анатомии власти» до воспоминаний об опыте советской повседневности. Их критическая направленность была обусловлена самой природой диссидентства и собственно «миссией» эмиграции.

Однако если мы обратимся к эго-документам, преимущественно письмам, адресованным родным и друзьям в Россию и изначально не предназначенным для публикаций, или же к частной переписке самих эмигрантов, делящихся впечатлениями от жизни на Западе, то увидим неизбежные следы «советскости», которые маркируют время и общество, ими покинутое или их отторгнувшее, равно как и общество, их принявшее. Опыт адаптации, погружение

⁵¹ См., например, его статьи: Советский уровень жизни через полвека социализма // Новый журнал. 1977. Кн. 126. С. 218–237; Дела советские // Новый журнал. 1979. Кн. 136. С. 163–178; и др.

⁵² Федосеев А. П. Пути человеческие. М., 1997.

в мир Запада явились тем фоном, на котором в отраженном свете просматривалось подсознательно противопоставляемое, а часто и сознательно подчеркиваемое хорошо знакомое «социалистическое», неизбежно становившееся мерилom Другого. В публикациях эмигрантских журналов «Синтаксис», «Континент», «Время и мы» и других обнаруживаются множество свидетельств «войны миров» в сознании советских интеллектуалов, что стало предметом изучения в уже сложившейся довольно солидной историографии⁵³. В этом процессе познания новой культуры бытия происходило и постепенное «познание» своей страны, переосмысление советского опыта, что позднее отразилось уже в новых текстах.

Тема «разрушения государственного сознания в СССР» была одной из доминантных в эмигрантской политической мысли. В различных аспектах она развивалась в публикациях издательства «Хроника» (Нью-Йорк), в частности в сборнике «Самосознание», в котором были помещены довольно серьезные статьи (в том числе советологов, например, Р. Пайпса). Обращает на себя внимание объемная статья Дм. Нелидова (псевдоним) «Идеократическое сознание и личность», в которой автор показал советское общество как потребительское, но в отличие от западного здесь предмет потребления — идеология, порождающая «двоемыслие», ведущее, в свою очередь, к деформации сознания. Государство в СССР держится «на массовом идеократическом сознании, которое, из каких бы противоречий оно ни состояло, в принципе внутренне цельно и непротиворечиво, ибо совершенно замкнуто. Уже элементарная рефлексия, т. е. некоторое отражение этих противоречий, говорит об эрозии такого сознания»⁵⁴.

Серьезное внимание западных аналитиков и спецслужб было уделено публикациям советского экономиста И. Я. Бирмана, эмигрировавшего в США в 1974 г. и ставшего там признанным экспертом, опубликовавшим на Западе несколько книг и многочисленные статьи и работавшим, в том числе консультантом Пентагона по советской экономике. Оценка его трудов дана, например, известным американским историком-русистом М. Малиа, отметившим вклю-

⁵³ См.: Байбатырова Н. М. Общественно-политический дискурс изданий русского зарубежья 1970–1980-х гг. // Вопросы журналистики. 2020. № 8. С. 87–100; Средняя К. В. На пути к западному читателю: особенности литературного творчества в условиях эмиграции // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. 2012. № 3. С. 63–69; Gleissner Ph. Soviet Union on the Seine: Kontinent, Sintaksis, and the Social Life of Émigré Journals // The Russian Review. 2018. Vol. 77. Issue 3. P. 446–469; и др.

⁵⁴ Нелидов Дм. [псевд.] Идеократическое сознание и личность // Самосознание. Сборник статей. Нью-Йорк: Хроника, 1976. С. 142.

ченность советских специалистов в обсуждение состояния экономического потенциала СССР: «Однако, как и в предшествующие годы, раздавались несогласные голоса. Они исходили в основном от бывших советских граждан, которые, несмотря на отсутствие методологического лоска, обладали непосредственным опытом жизни в советской системе периода брежневского «развитого» или «реального» социализма. Наиболее заметен среди них был И. Бирман. Одним из его главных аргументов было то, что американское академическое сообщество и ЦРУ не приняли во внимание не только ненадежность советской статистики, но и, что даже более важно, низкое качество всего советского национального продукта»⁵⁵. Экономическую ситуацию в стране Бирман связывал с состоянием общества в целом. Рассматривая возможные пути выхода из кризисного положения («застоя»), Бирман не исключал допущение в Советском Союзе капиталистической экономики.

«И, если всерьез принять такой курс, он потребует очень длительных и болезненных усилий. Капитализм без капиталистов — нонсенс, значит, должна появиться национальная буржуазия, а процесс ее создания, так называемое первоначальное накопление, никогда не выглядел привлекательным. Нет людей, умеющих хозяйствовать по-капиталистически, нет соответствующих институтов, нет для этого и многих других условий. Вместе с тем уместно сказать, что, как это ни парадоксально выглядит, само по себе создание капиталистической экономики вполне сочетается с тоталитарной политической властью...»⁵⁶.

Экономист отмечает «централизаторские настроения» в руководящих сферах, поскольку есть угроза того, что «либерализация экономики» поведет к общей либерализации в стране, что создаст для режима непосредственную политическую угрозу, и очевидно, что усиление централизации должно будет сопровождаться общим политическим «зажимом». Статьи И. Бирмана публиковались и в западной прессе, в частности в «Вашингтон Пост», а также в эмигрантских сборниках⁵⁷.

Проблемы свобод и гражданского общества были рассмотрены эмигрантскими авторами в различных областях. В 1978 г. в Нью-

⁵⁵ Малиа М. Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии. URL: http://fedy-diary.ru/?page_id=5814

⁵⁶ Бирман И. Экономическая ситуация в СССР // Континент. 1981. № 28. С. 290.

⁵⁷ См., например: Бирман И. Противоречивые противоречия // Внутренние противоречия. Сборник статей / под ред. В. Чалидзе. Вып. 1. Нью-Йорк, 1981.

Йорке вышло написанное в СССР исследование известного историка А. М. Некрича «Наказанные народы», посвященное истории переселения народов — крымских татар, калмыков, народов Северного Кавказа⁵⁸. Вместе с этим Некрич затрагивает конфликтные ситуации 1970-х годов, которые отражают, по заключению автора, крайне слабую «обратную связь» между народами и государством. Теперь уже стала хорошо известна и вышедшая впервые в Лондоне в 1982 г. написанная совместно с М. Я. Геллером книга «Утопия у власти».

В этом же 1978 г. в США вышла публиковавшаяся ранее в самиздате книга известного физика и правозащитника В. Ф. Турчина «Инерция страха», жанр которой можно определить как социальную философию⁵⁹. Среди многих сторон советской действительности, которые анализирует автор, проблеме гражданского общества, прав человека, свободы личности уделено особое внимание. «Проблема основных прав личности стоит особняком, это начало всех начал»⁶⁰. Под основными правами личности Турчин понимал права, выраженные в четырех статьях Всеобщей декларации прав человека ООН, принятых, в частности, и организацией «Международная Амнистия». Турчин также предлагает свой вариант демократических преобразований в стране, который достаточно схож с проектом конституции А. П. Федосеева.

Заметным явлением на Западе в политическом дискурсе 1970-х гг. стали ставшие уже классическими выступления А. А. Зиновьева, в которых политический строй СССР, в том числе и конституционные основы, были подвергнуты жесткой критике. В 1978 г. философ заключал: «Известно, что в Советском Союзе отсутствуют гражданские свободы. Не нарушаются, а именно отсутствуют»⁶¹. Позже, рассуждая о проблемах гражданского общества, А. А. Зиновьев меняет смыслы его бытования в истории, а также замечает, что о гражданском обществе в России говорится и печатается довольно много, но при этом отсутствует ясность и понимание того, что это такое — гражданское общество.

«Гражданское общество не есть нечто единое и организованное целое. Это именно совокупность отдельных объединений людей, в той или иной мере организованных по отдельности. Между ними могут быть различные отношения. Но гражданское общество как организованное целое в принципе немыслимо, поскольку в него включаются

⁵⁸ Некрич А. М. Наказанные народы. Нью-Йорк: Хроника, 1978..

⁵⁹ Турчин В. Ф. Инерция страха. Нью-Йорк: Хроника, 1978.

⁶⁰ Там же. С. 236.

⁶¹ Зиновьев А. А. За что боролись, на то и напоролись. (Из выступления в Клубе Интеллектуалов в Париже 30.11.1978) // Синтаксис. 1979. № 3. С. 6. 6—17

объединения, имеющие различные и даже враждебные интересы. Причем, гражданское общество (в этом смысле слова) создается вовсе не для примирения враждующих сторон и не для нахождения компромиссов, а именно как социальная среда, в которой могут возникать и существовать конфликтующие явления. Гражданское общество возникает в рамках законности. И упомянутые конфликты не выходят за эти рамки. Демократическая законность характеризуется, в частности, и тем, что она допускает такие конфликты. И даже допускает конфликты отдельных явлений гражданского общества с государственной властью. Но при всех обстоятельствах гражданское общество не превращается в часть системы власти и управления и даже в нечто прислуживающее этой системе»⁶².

Гражданское общество, продолжает философ, послужило важнейшей орудием западного мира в «холодной» войне, причем, его достоинства сильно преувеличивались. С окончанием «холодной» войны в западном мире произошел эволюционный перелом, и «нужность в раздувании гражданского общества отпала»⁶³. В своем последнем «социологическом» романе «Русская трагедия» (1999), размышляя о том, что называется обществом социальной справедливости, А. А. Зиновьев определял его как общество, в котором в качестве всеобщих значимых приняты и утверждены законодательно вполне определенные нормы, а именно социальные гарантии и права граждан. Они суть следующие: на оплачиваемую работу, на отдых, на бесплатное медицинское обслуживание, на образование, на жилье, на питание, на личную безопасность, на пенсию по старости и инвалидности. Принципом распределения граждан по местам работы является принцип «от каждого по способности». Принципом распределения создаваемых обществом благ является принцип «каждому по труду», а в идеале — «каждому — по потребности». Эти нормы были реализованы в советском обществе. Общество социальной справедливости было построено фактически. Но одно дело — нормы, взятые сами по себе, абстрактно, да еще в идеологически неопределенном виде. И другое дело — их реальное осуществление»⁶⁴.

Применительно же к России начала XXI в. философ высказывает убеждение в том, что «...гражданское общество в России не вырастет как нечто естественное из основ жизни народа и его

⁶² Зиновьев А. А. Проблема гражданского общества. URL: <http://www.zinoviev.ru/ru/articles/zinoviev-obshestvo.html>

⁶³ Там же.

⁶⁴ Зиновьев А. А. Общество социальной справедливости // Зиновьев А. А. Русская трагедия. М.: Алгоритм, 2006. С. 509.

социальной организации, а навязывается народу сверху, усилиями реформаторской власти и ее идеологов, навязывается только потому, что гражданское общество существует на Западе. <...> И это делается в условиях, когда новая социальная организация навязывается народу сверху, причем — социальная организация, являющаяся гибридом советизма, западнизма и феодализма. В результате действия этих факторов в современной России действительно формируется компонент социальной организации, имитирующий гражданское общество западных стран и, одновременно, имитирующий противоположное явление советского общества, для которого нет точного и однозначного названия, но которое можно охарактеризовать выражениями вроде «морально-политическое единство советского народа»⁶⁵.

Рассматривая аналитику зарубежных и, главным образом, эмигрантских авторов, следует отметить отсутствие единой трактовки понятия «гражданское общество», следование терминологии, заимствованной из политической истории и практики стран Запада, перенесенной на «советскую почву». В последние годы на фоне серьезного переосмысления эпохи «позднего социализма» много говорится и о гражданском обществе. Известный российский социолог О. Н. Яницкий полагал, что гражданское общество — это «прежде всего люди, их моральные устои, мотивация, профессиональные качества, а потом уже институты и организации». Идеал гражданского общества — «это когда все население работает, когда его труд является общезначимой социальной ценностью. В соответствии с этим критерием О. Н. Яницкий заключает, что гражданское общество в 1970-е гг. существовало и функционировало, хотя и в присущих тому периоду социальных формах и рамках. Он называет, например, как наиболее мощное и длительное протестное общественное движение 1970-х годов движение в защиту Байкала против строительства поблизости от него целлюлозно-бумажного комбината и ряда других промышленных предприятий; бесчисленные экологические и ландшафтные комиссии в Союзе архитекторов СССР, НИИ градостроительства, движение советской интеллигенции за сохранение объектов культурного наследия, за сохранение природы и среды обитания человека и многое другое, что свидетельствовало о гражданском активизме»⁶⁶.

⁶⁵ Зиновьев А. А. Зримые черты западнизма // Зиновьев А. А. Русская трагедия. М.: Алгоритм, 2006. С. 496.

⁶⁶ Яницкий О. Длинные 1970-е: гражданское общество тогда и сейчас // Неприкосновенный запас. 2007. № 2 (52). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/2/dlinnye-1970-e-grazhdanskie-obschestvo-togda-i-sejchas.html>

Круг авторов, чьи работы затрагивали проблемы гражданского общества, был достаточно широк. Книги В. В. Белоцерковского, М. С. Восленского, В. Н. Чалидзе, А. Л. Янова и ряда других эмигрантских писателей стали известны за рубежом и востребованы в советологической литературе и затем в политологической мысли периода перестройки.

Говоря о публикациях эмигрантов, нужно заметить, что, как правило, критика советского строя в них была значительно более жесткая и непримиримая, чем в статьях западных аналитиков, а аргументация и «доказательность» выглядели довольно убедительными, даже если они и вызывали определенные сомнения. В данном случае не так важна достоверность приводимых ими сведений, статистических данных и, соответственно, проверка и критика источников, на которых строилась та или иная концепция. Это, скорее, задача специалистов в каждой из затрагиваемых авторами областей — экономики, финансов, военного потенциала, культуры, уровня жизни, потребления и т. д. Важно другое — востребованность подобных текстов на Западе в условиях «холодной войны» (даже в период разрядки), когда идеологическое противостояние требовало информационной «подпитки» непосредственно из советских источников. Знакомство со статьями известных западных аналитиков-советологов в газетной и журнальной периодике 1970–1980-х гг. показывает, что основными источниками при характеристике советской системы наряду с официальными партийными и советскими документами становились выступления диссидентов, чьи публикации обильно цитировались. При этом убедительно выстроенный в них негативный образ страны и ее лидера компенсировал возможную недостоверность сообщаемого. Тексты без ссылок на источники, но написанные эмоционально, воспроизводившие даже очень частное восприятие советской действительности, были достаточно распространены на страницах эмигрантской периодики и востребованы на Западе.

Вместе с тем, необходимо признать и другое значение и роль эмигрантской/диссидентской литературы 1970–1980-х гг. При всей крайней степени ее критичности, деструктивной направленности и отрицании определенных положительных качеств советской системы эпохи «позднего социализма», она содержала в себе теории и концепции, которые развивали политическую науку. И здесь нужно согласиться с тезисом российского политолога В. И. Буренко о том, что «диссидентское измерение процесса становления политической науки, осуществлённое на основе реконструкции политических и политологических произведений, позволяет выделить самостоятельное, диссидентское направление

в структуре политической мысли и науки того времени»⁶⁷. Последующее развитие в России не только политологии как науки, но политических практик доказало как значимость критики и основательность прогнозов, так и несостоятельность ряда концепций.

Советское общество периода руководства страной Л. И. Брежневым все более привлекает внимание современных российских и зарубежных историков, политологов и социологов, становясь предметом дискуссий в академической науке и средствах массовой информации. Вместе с публикацией огромного числа воспоминаний, обнародованием архивных документов, как в России, так и за рубежом появляются и фундаментальные исследования, посвященные развитию государства и общества в 1970–1980-х гг., равно как и личности Брежнева.

Критика брежневского периода советской истории, предпринимавшаяся в работах советологов, стала уже самостоятельным направлением в российской историографии⁶⁸ и рассмотрена достаточно полно, так же как и в работах западных историков, которые свои исследования, как правило, предваряют обзором предшествующих публикаций⁶⁹.

В западной исторической науке заметным явлением стала опубликованная в 2017 г. книга германского историка С. Шаттенберг «Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны», в которой автор преодолевает упрочившуюся в литературе одностороннюю оценку этой эпохи в жизни страны и фигуры ее руководителя, человека и политика, представив сложную и противоречивую картину жизни советского общества. «Большая заслуга

⁶⁷ Буренко В. И. Отечественная политология: диссидентское измерение / PolitBook. 2020. № 4. С. 6.

⁶⁸ См., например: Виватенко С. В., Сиволап Т. Е. Экономика эпохи «застоя» в англо-саксонской историографии // Петербургский экономический журнал. 2021. № 1. С. 139–145; Чернолуцкая Е. Н. А была ли «стагнация»? Переосмысление причин советской перестройки на Западе в 2000-е гг. // Россия и АТР. 2015. № 4 (90). С. 34–47; и др.

⁶⁹ См., например: Малия М. Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии. URL: http://fedy-diary.ru/?page_id=5814; Brezhnev Reconsidered / ed. by E. Bacon & M. Sandle. Palgrave Macmillan, 2002; Fainberg D., Kalinovskiy A. Reconsidering stagnation in the Brezhnev era: ideology and exchange / edited by Dina Fainberg and Artemy Kalinovskiy. Lanham: Lexington Books, 2016; Rutland P., Smolkin-Rothrock V. Introduction: Looking Back at Brezhnev // Russian History. 2014. Vol. 41. No. 3; Soviet society in era of late socialism, 1964–1985 / ed. by N. Klumbite, G. Sharafutdinova. Lanham, Boulder, New York, London: Lexington books, 2014; Sell L. Leonid Brezhnev: Power and Stagnation // Washington to Moscow: US-Soviet Relations and the Collapse of the USSR, Duke University Press, 2016; и др.

Брежнев закладывается в том, что он дал возможность значительной части населения более-менее спокойно жить, обеспечил скромное благосостояние, гарантировал социальные выплаты и объявил законными мечты о собственной квартире, даче и автомобиле. Он перенес на все общество мелкобуржуазное желание обеспеченной жизни. <...> С этой точки зрения генсек сделал Советский Союз более человечным, он поставил в центр политики индивида с его основными потребностями. Он не только продолжал социальные программы Хрущева, но даже объявил повышение жизненного уровня генеральной линией партии»⁷⁰. Переведенная на русский язык книга стала хорошо известна и была высоко оценена в России как, по сути, первое масштабное исследование, в котором были предложены новые подходы к пониманию этого времени. В 2021 г. вышла новая книга С. Шаттенберг «Брежнев: становление государственного деятеля»⁷¹. В аннотации к англоязычному изданию говорится о том, что «для Запада эта биография служит убедительным доводом в пользу того, что Брежнев следует переоценить как одну из самых интересных и важных политических фигур XX века». Вместе с тем нужно заметить, что определенный «поворот» в западной историографии наметился уже на рубеже XX–XXI вв., что не осталось незамеченным российскими историками.

Американская и британская историография начала 2000-х гг., дающая широкий спектр взглядов на различные стороны советской действительности 1970–1980-х гг., была рассмотрена в статье российской исследовательницы Е. Н. Чернолуцкой⁷². Анализ работ Э. Бэкона, Я. Тэтчера, М. Харрисона, Ф. Хансона, Л. Хони и других англо-американских историков за 2001–2003 гг. позволили автору обобщить выводы западных аналитиков, которые, не отвергая наличия застойных явлений и тенденций в позднесоветской системе, показывают, тем не менее, что «брежневская эпоха была гораздо более сложным, многослойным и противоречивым явлением. Она отличалась от других периодов советской истории относительной стабильностью, благосостоянием, отсутствием насилия, динамичной и разнообразной жизнью общества, далёкой от западных стереотипных представлений. Учёные приходят к вы-

⁷⁰ Шаттенберг С. Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. М.: РОССПЭН, 2018. С. 585.

⁷¹ Schattenberg Susanne. Brezhnev: The Making of a Statesman. [I. B. Tauris, 2021.

⁷² Чернолуцкая Е. Н. А была ли «стагнация»? Переосмысление причин советской перестройки на Западе в 2000-е гг. // Россия и АТР. 2015. № 4 (90).

воду о том, что эта эпоха требует более детального анализа, чем это позволяет стагнационная парадигма»⁷³. Е. Н. Чернолуцкая обратила внимание и на публикации, вошедшие в коллективный труд 2014 г. «Советское общество в эпоху позднего социализма, 1964–1985» под редакцией Н. Клумбите (США) и Г. Шарафутдиновой (Англия). В этом сборнике статей американских историков также поставлена задача пересмотреть значение и природу позднего социализма, показать его как динамичное общество, которое культивировало индивидуализм и потребительство, и тем самым «бросить вызов» общепринятому мнению⁷⁴. С этих же позиций предпринят обзор публикаций западных исследователей, а частично и российских, американскими историками П. Ратлендом и В. Смолкин-Ротрок в работе «Оглядываясь на Брежнева»⁷⁵. Авторы исходят из того тезиса, что брежневские годы вовсе не были «застоем». Напротив, они были очень динамичными: это было общество, претерпевающее быстрые изменения, некоторые из которых были связаны с энтропией и упадком, но некоторые из них были новаторские и ориентированы на будущее. Общество становилось более урбанистическим, улучшалось образование, повышался, хотя и постепенно, уровень жизни, и усиливалось воздействие внешнего мира. Стабильность брежневской эпохи была обусловлена способностью Коммунистической партии уравновесить эти противоположные силы — до тех пор, пока она более не была в состоянии это делать⁷⁶.

О необходимости сформировать новую историографию, которая дала бы гораздо более богатую и детальную картину этого периода, чем позволяет применяемая обычно к этой эпохе парадигма застоя, пишут и другие западные историки, в частности авторы коллективного труда «Переосмысление стагнации в эпоху Брежнева: идеология и перемены»⁷⁷. Его составители констатируют растущую в современной исторической науке переоценку эпохи Брежнева. Вошедшие в издание очерки показывают динамичное общество с его политическими и интеллектуальными слоями, с од-

⁷³ Там же. С. 34.

⁷⁴ Soviet society in era of late socialism, 1964–1985 / ed. by N. Klumbite, G. Sharafutdinova. Lanham, Boulder, New York, London: Lexington books, 2014.

⁷⁵ Rutland P., Smolkin-Rothrock V. Introduction: Looking Back at Brezhnev // Russian History. 2014. Vol. 41. No. 3.

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ Reconsidering Stagnation in the Brezhnev Era: Ideology and Exchange / by Dina Fainberg and Artemy M. Kalinovsky, eds., Lanham, MD: Lexington Books, 2016.

ной стороны, остающимися приверженцами идеологических основ государства, а с другой — осознающими проблемы, с которыми сталкивается система, и приступающими к творческому поиску решений. Главы книги сосредоточены на изменениях в политике, обществе и культуре, а также на попытках государства возглавить и инициировать изменения, что, в основном, замалчивается в повествованиях о застое. Авторы сборника ставят под сомнение предположение о том, что этот период в целом характеризовался «безудержным цинизмом» и упадком веры в социалистические идеалы. При этом отмечается, что переосмысление нарратива о застое важно не только для понимания брежневской эпохи и ее последствий, но также помогает объяснить, почему 1970–1980-е гг. занимают столь значимое место в общественном дискурсе современной России. Безусловно, полагают авторы, очевиден «ностальгический взгляд» на брежневскую эпоху, время, которое многие нынешние деятели культуры и политические эксперты пережили в молодости. В результате получаются этакие «любовные» репрезентации брежневского периода в глянцевах сериалах и программах, посвященных советскому прошлому⁷⁸.

Говоря об устойчивости внимания западных аналитиков к позднесоветской истории, следует отметить, что ее изучение шло в самых разных направлениях, приоритетным из которых оставалась социальная сфера, развивавшаяся, по оценкам западных специалистов, на фоне стабильности и «беспрецедентного роста» уровня жизни, вызвавшего настоящий «потребительский бум». Проблема массового потребления в СССР посвящена работа Н. Чернышовой (университет Винчестера, Англия) «Советская потребительская культура в брежневскую эпоху»⁷⁹, в которой рассмотрены политические и экономические аспекты усилий государства по повышению уровня жизни и показано, как массовое потребление часто использовалось в качестве инструмента легитимности, идеологии и модернизации. Основанная на разнообразных источниках, книга предлагает живой обзор советского общества и повседневной жизни потребителя, который в период с середины 1960-х до начала 1980-х гг. «бросал вызов» советскому «зрелому социализму». Именно тогда началась потребительская революция, которая подготовила людей к грядущим преобразованиям в перестройку и одновременно принесла социалистическому режиму свои проблемы. Повышение благосостояния и,

⁷⁸ См.: Ibid. P. VII, XIX–XX.

⁷⁹ *Chernyshova N. Soviet Consumer Culture in the Brezhnev Era. Routledge, 2013.*

как следствие, этика потребления изменили отношения граждан с государством и имели серьезные последствия для коммунистического проекта, подготовив общество к переходу к капитализму⁸⁰. Именно в эту эпоху, полагает автор, были выработаны защитные стратегии потребителей. «Потребительские практики и отношения 1970-х годов могут помочь пролить свет на социальные изменения в постсоциалистический период, но они также много говорят нам о брежневской эпохе и ее месте в более широком контексте советской истории. Мы получаем более нюансированную картину позднесоветского общества накануне перестройки: предполагаемая однородность компенсируется социальной фрагментацией <...> Мы получаем ощущение изменений в обществе, которое становилось не только все более потребительским, но и менее консервативным во многих отношениях, например, в отношении к моде, поведение молодежи или развлечения. Роль власти в этих процессах, а также их попытки справиться с последствиями, могут многое рассказать нам о природе «зрелого социалистического» режима и его отношениях с обществом. <...> Часто такая переоценка исходила не от государственных идеологов, а спонтанно возникала в прессе и других общественных форумах, а затем принималась властями. В этом смысле не только население должно было адаптироваться к государственному социализму, но и правительство также в значительной степени проводило неявные переговоры со своими гражданами. <...> Эти идеологические корректировки не позволяют рассматривать режим Брежнева просто как «топтание на месте». Это был еще один этап социалистического проекта модернизации, даже если в переходе от коллективизма к индивидуализму было что-то несоциалистическое»⁸¹.

Другим ключевым направлением изучения западными историками позднего социализма в СССР стало идеологическое обеспечение системы. В статье британского историка П. Джонс анализируется «продукция позднесоветской пропаганды» и подчеркивается сдвиг в ее развитии. В частности автор сосредотачивает внимание на издании известной серии «Пламенные революционеры», отмечая переосмысление жанра революционной биографии с тем, чтобы вновь воодушевить население революционными идеалами. П. Джонс показывает осознание властью необходимости сотрудничества и компромисса с писателями. Анализируя результаты дискуссии по поводу массовой политической литературы и условия бинарное противостояние между советскими писателями

⁸⁰ Ibid. P. 202–203.

⁸¹ Chernyshova N. Soviet Consumer Culture in the Brezhnev Era. P. 204.

и писателями-диссидентами, историк опровергает представление о брежневской эпохе как времени стандартизации политического языка и показывает «изохронные и тонкие дебаты» в этой области⁸². Этими сюжетами, безусловно, не ограничивается перечень тем, освещаемых в зарубежной историографии. Предметом исследования становились вопросы внешней политики, инакомыслия, религии, национальных отношений, советской литературы и кинематографа, спорта и многие другие.

Сказанное выше не означает, что переоценка «длинных 70-х» в зарубежной исторической науке имеет исключительно положительную коннотацию. Примером иного подхода может служить статья американской исследовательницы, политолога К. Гизан «О политическом возрождении и “потерянных сокровищах” в советской и российской политике», в которой период позднего социализма рассматривается в заданном еще Х. Арендт «тоталитарном» дискурсе. Брежневская эпоха противопоставляется периодам «оттепели» и «перестройки» (с отсылками к древним Новгороду и Пскову), объединенным единым критерием ценностей демократии и свободы. Констатируя тот факт, что «Леонид Брежнев и его единомышленники положили конец “оттепели” в 1964 году», автор, тем не менее, отмечает «мирный» уход Хрущева в отставку, что свидетельствует о том, что тоталитаризм не вернулся (в прежние времена Хрущева расстреляли бы). «Его преобразовательные дела исчезли из коллективной памяти, поскольку советские СМИ, партийная история и официальные документы почти полностью воздерживались от его упоминания после 1964 года. Молодые российские поколения мало знали о структурных изменениях, ориентированных на свободу, которые он помог инициировать в Советском Союзе и за его пределами. <...> Хрущев и годы «оттепели» пережили короткую реабилитацию в годы Горбачева, а затем его исторические реформы снова исчезли из коллективной памяти. «За падением Хрущева, — пишет автор, — последовало 20 лет застоя. И хотя тоталитаризм не вернулся, советские генеральные секретари Леонид Брежнев, Юрий Андропов и Константин Черненко повернули время вспять, подняв военный бюджет, ограничив свободу слова и собраний, заключив в тюрьму несогласных и вынудив других эмигрировать. Они централизовали экономику, проводили агрессивную внешнюю политику в Афганистане и Чехословакии и подавили Пражскую

⁸² Jones P. The Fire Burns On? The “Fiery Revolutionaries” Biographical Series and the Rethinking of Propaganda in the Brezhnev Era // *Slavic Review*. 2015. Vol. 74. No. 1.

весну в 1968 году, в то время как высокие цены на нефть помогли укрепить общественную поддержку режима»⁸³. Такое многомерное явление, как позднесоветский период, было сведено К. Гизан к упрощенной схеме, в которой не осталось места размышлениям о новом качестве жизни.

Тем не менее в академической среде наметилась достаточно устойчивая тенденция к «смене парадигмы» в оценке позднего СССР, хотя в целом на Западе продолжает доминировать дискурс «холодной войны».

Здесь нужно сказать о том, что к 1970-м гг. тоталитарная модель в советологических исследованиях (в том числе в кремленологии) стала замещаться «ревизионистской» авторитарной концепцией. Как пишет известный американский историк-русист М. Малиа, в брежневский период советологи начали отображать советский эксперимент (именно современного им брежневского времени) в целом как способный к реформированию. При этом, полагает Малиа, западные критики тоталитарной модели не имеют абсолютно никаких оснований утверждать, что хотя советская система, возможно, и была тоталитарной при Сталине, она эволюционировала в обычный авторитаризм при Брежневе. «При Брежневе и Суслове советская система вернулась к мягкому, или рутинизированному, сталинизму, превратившись в командно-административную партократию без массового террора, но с новой «спокойной» идеологией. И эта стабильная и загнивающая советская система настолько отличалась от своей великой и грозной предшественницы, что сошла на Западе за авторитарный, с элементами плюрализма, режим, основанный на том, что получило несколько странное название «асимметрично выгодного общественного договора» между партией и народом»⁸⁴.

Не случайно поэтому самостоятельной областью, привлекающей внимания западных аналитиков, стало обращение к явлению *post-soviet memory*, когда интерес исследователей сосредотачивается на изучении исторического сознания нации, в данном случае, восприятии 1970-х — 1980-х гг. современным российским обществом.

В упоминавшейся уже работе П. Ратленда и В. Смолкин-Ротрок замечено, что в то время как на Западе СССР продолжают рассматривать как исторический тупик, эксперимент, который

⁸³ Guisan C. Of Political Resurrection and 'Lost Treasures' in Soviet and Russian Politics // *Europe-Asia Studies*. 2018. Vol. 70. Issue 9. P. 1392–1393.

⁸⁴ Малиа М. Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии. URL: http://fedy-diary.ru/?page_id=5814.

был обречен на провал и, в конце концов, рухнул под тяжестью собственных противоречий, в отличие от этого «многие россияне теперь рассматривают Советский Союз Леонида Брежнева как некий “золотой век”: общество, в котором граждане могли вести безопасную и предсказуемую жизнь, где уровень жизни повышался с каждым годом, и где их дети могли получить хорошее образование и стабильную карьеру»⁸⁵. Выводы историков основываются преимущественно на данных социологических опросов, которые интерпретируются ими «с осторожностью», поскольку общественное мнение относительно брежневской эпохи, как полагают авторы, возможно, в большей степени отражает неприятие «турбулентности», которую люди испытали в годы перестройки. Тем не менее, данные, приводимые российскими социологами, подтверждают ситуацию определенной ностальгии. Так, по результатам обследования, проводимого в 2012 г. в МГУ, наивысшего пика благополучия, по мнению опрошенных, страна достигла во времена застоя при Л. И. Брежневе, причем оценки политических свобод и материального благосостояния в различные периоды тех, чей возраст наибольшей социальной активности пришёлся на брежневское правление, и тех, кто родился после распада СССР, практически совпадают⁸⁶. По данным Левада-центра 2013 г. лучшим руководителем страны в XX в. назван Л. И. Брежнев⁸⁷, по данным этого же центра 2020 г. в структуре представлений о «советской эпохе» преобладала положительная компонента (76%), при этом доля положительных ответов была в десять раз выше, чем доля отрицательных⁸⁸.

Любопытно в связи с этим исследование, проведенное еще в 1980-х гг. известными экономистами П. Грегори (США) и Б. Дитц (ФРГ) в рамках проекта «Советская действительность и опросы эмигрантов. The soviet interview project (SIP)». В начале-середине 1980-х годов были опрошены почти три с половиной тысячи

⁸⁵ Rutland P., Smolkin-Rothrock V. Introduction: Looking Back at Brezhnev. P. 299.

⁸⁶ Петренко В. Ф., Митина О. В. Представления россиян о качестве жизни при разных правительствах // Вестник Российской Академии наук. 2012. Т. 82. № 2. С. 126, 129.

⁸⁷ Брежнев признан лучшим правителем России в XX веке // ИноТВ. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2013-05-22/Brezhnev-priznan-luchshim-pravitelem-Rossii> (дата обращения: 18.10.2021).

⁸⁸ Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе в российском общественном мнении 2020 // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2020/03/24/struktura-i-vosproizvodstvo-pamyati-o-sovetskom-soyuze-v-rossijskom-obshhestvennom-mnenii/> (дата обращения: 18.10.2021).

бывших советских граждан, эмигрировавших в США с середины 1970-х до начала 1980-х годов, и более 500 человек были опрошены в Германии. Респонденты, отвечая на вопросы «об их последнем периоде нормальной жизни в Советском Союзе до принятия решения об эмиграции», назвали таковыми 1977–1978 гг., «когда эпоха Брежнева подходила к концу — период, который теперь называется в советской прессе «периодом застоя»⁸⁹.

Из множества объяснений и интерпретаций такого восприятия эпохи остановимся на одном, дающем некую универсальную трактовку явления, согласно которой в русском «проекте» ценности порядка, стабильности, устойчивости связаны с идеей общности, символическим сплочением в коллективное единство «мы». «В нем заключено обещание реализации этих ценностей, а также слышны отзвуки столетиями определявшей русскую общинную жизнь идеи (“идеологии”) коллективного (а не индивидуального, как в европейской традиции) спасения. <...> С тоской по стабильности и единству (в том числе) связаны сегодняшние оценки брежневской эпохи»⁹⁰. Об этом же, но в терминах «солидарности» и идентичности, понимаемой как «мы», которые обладали огромным мобилизующим потенциалом и были принципиально важны для сохранения целостности страны, писал российский социолог О. Н. Яницкий в статье, вошедшей в подборку специального тематического номера «Неприкосновенного запаса» за 2007 г., озаглавленного как «Длинные 70-е: советское общество в 1968–1982 годы»⁹¹. Помещенные здесь статьи целого ряда известных ученых и политических публицистов, писавших о стране еще в советский период, заслуживают отдельного внимания. В своих размышлениях об этом времени они пытаются понять и объяснить природу его актуальности, допуская, в том числе, и намеренное, продуманное “внедрение семидесятых” в общественное сознание⁹². Разбор «положительного мифа о 70-х» предпринят эмигрантом, историком и социологом А. Кустаревым,

⁸⁹ *Gregory P., Dietz B. Soviet perceptions of economic conditions during the period of stagnation: Evidence from two diverse emigrant surveys // Soviet Studies. 1991. Vol. 43. Issue 3. Pp. 535–536.*

⁹⁰ *Глебова И. И. Функции образов прошлого в политической культуре // Политическая наука. 2006. № 3. С. 158–159, 162.*

⁹¹ *Яницкий О. Н. Длинные 1970-е: гражданское общество тогда и сейчас // Неприкосновенный запас. 2007. № 2 (52). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/2/dlinnye-1970-e-grazhdanskoe-obshhestvo-togda-i-sejchas.html> (дата обращения: 25.10.2021).*

⁹² «Семидесятые» как «наше все» (материалы к критике идеологии) // Неприкосновенный запас. 2007. № 2 (52). URL: <https://magazines.gorky>.

который определяет «всеобщее, демонстративное и экзальтированное увлечение 1970-ми годами» как стилизацию под ностальгию. Антрополог А. Юрчак (университет Беркли, США) полагает, что одной из составляющих сегодняшнего феномена «постсоветской ностальгии» является тоска не по государственной системе или идеологическим ритуалам, а по реалиям человеческого существования. «1970-е как переживание» рассмотрел философ и литературовед Л. В. Карасев. «Динамичный застой» проанализирован историком А. В. Шубиным, взгляд которого на СССР сбалансирован: «Здесь не было социализма, но было социальное государство. Никакой критики не выдерживают также идеологические схемы, по которым СССР 1970-х годов представлял из себя тоталитарную систему»⁹³.

Если абстрагироваться от данных социологических опросов и обратиться к работам современных российских исследователей, то можно обнаружить ту же тенденцию — более взвешенный и не столь категорично непримиримый взгляд на страну 1970–1980-х гг. вплоть до апологетики брежневского времени. В последние годы в России появились работы, как научные, так и публицистические, авторы которых репрезентируют некий идеализированный образ времени и руководителя. Это вызвано не только обозначившимися новыми векторами в политическом пространстве страны, но и критикой российской историографии западными историками, которые инициировали «процедуру ревизии» сложившихся стереотипов восприятия СССР 1960–1980-х гг. Интернализация исторических исследований породила совместные проекты, отражающие диалог ученых, в том числе в отношении недавнего советского прошлого. Так, интересные доклады звучали на проводимой Европейским университетом в Санкт-Петербурге в сентябре 2016 г. Международной конференции «Период застоя? Эпоха Брежнева 35 лет спустя», где были подвергнуты критике сложившиеся «повествования» об эпохе (обзор конференции дан в публикации А. К. Байбурина и К. Келли)⁹⁴. Как известно, работы 1990-х гг., появившиеся на волне негативного восприятия предшествующих десятилетий в условиях перестройки и начала реформ, были отмечены крайне

media/nz/2007/2/8220-semidesyatye-8221-kak-8220-nashe-vse-8221.html (дата обращения: 24.10.2021).

⁹³ Неприкосновенный запас. 2007. № 2 (52). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/2> (дата обращения: 24.10.2021).

⁹⁴ Байбурин А. К., Келли К. Эпоха Брежнева в антропологической ретроспективе // Антропологический форум. 2018. № 37. С. 11–19.

критическим и часто односторонним подходом, подготовленным яркой публицистикой «прорабов перестройки» 1980-х гг., статьями известных экономистов, беллетристикой и в значительной мере литературой «самиздата».

В настоящем издании не представляется возможным осветить развитие российской историографии брежневской эпохи, мы можем отметить лишь факт ее накопления и качественного роста. Если же говорить об особенностях научной литературы, посвященной Л. И. Брежневу и советскому государству в период его руководства, то нужно отметить интенсивно развивающуюся региональную историографию, а также тот факт, что исследования посвящены, главным образом, отдельным сферам жизни страны — экономике, обществу, идеологии, внешней политике, культуре и т. д. Затронутая тема является лишь фрагментом, иллюстрирующим изменение во времени взглядов на прошлое во множественном его проявлении. Тем не менее, рассмотренные здесь в целом явления историографии, позволяют сделать некоторые выводы.

«Ревизия» оценок эпохи, наметившаяся в отечественной историографии, происходит под влиянием целого ряда факторов. «Поворот» в общественном сознании на фоне переживаемого нового социального опыта требует рефлексий и новых объяснительных стратегий. Нельзя не учитывать и внимание к западной историографии, преодолевающей устоявшиеся в советологии правила исторической критики России. Не в последнюю очередь новые подходы связаны и со «сменой вех» во взглядах на прошлое интеллектуальной эмиграции России (хотя бы и ряда ее авторитетных идеологов). Сохраняющиеся различия в оценках объясняются, прежде всего, мировоззренческими установками авторов и соответствующим нежеланием обозначать положительные стороны явления, что в большей степени относится к постдиссидентским нарративам. Если же говорить об академической сфере или научной публицистике, то следует учитывать не только идеологический базис методологии исследований, но и неодинаковость толкования ключевых понятий, придание им различных смыслов, а также рассмотрение этих явлений в статике, без выявления генетических связей с прошлым. Очевидно также, что еще не принята периодизация и не выработаны аналитические инструменты для изучения советского общества конца 1960–1980-х годов. Несомненно и то, что оценка целой эпохи требует скорее мир-системного подхода, нежели изучение ее в рамках методологии микро- или локальной, региональной истории, чем преимущественно отмечена современная российская историография позднесоветского времени.

* * *

Отбирая тексты для Антологии, составители исходили из того факта, что рассмотрение личности Л. И. Брежнева, как и любого лидера такого масштаба, вне связи со всеми без исключения сферами жизни страны, динамикой ее развития не даст адекватного понимания эпохи. Здесь вполне уместно будет вспомнить о роли личности в истории, не вдаваясь в философские рассуждения на эту тему, но исходя из принципа: об историческом деятеле следует судить не по тому, чего он не сделал, а по тому, что он сделал нового по сравнению со своими предшественниками. Впрочем, знакомство с некоторыми помещенными здесь публикациями свидетельствует о том, что их авторы исходили из иных принципов оценки политического лидера, на что, собственно имеют право, и что соответствует самой идее издания — *pro et contra*. Следует также признать, что и на личности руководителя государства, как на портрете Дориана Грэя, неизбежно отпечатывались те перемены, которые происходили со страной. Поэтому в Антологии практически отсутствуют тексты, посвященные только Брежневу-человеку, он представлен в них на фоне руководимого им государства.

Таким образом, рефлексии и в публицистике, и в научной литературе в России и за рубежом сводятся в конечном итоге к попытке осмысления того времени, которое получило название «*поздний социализм*». Определение этого понятия имеет разночтения, в том числе и в отнесении его к конкретному периоду советской истории, т. е. в фиксации его хронологических рамок. Так российско-американский историк А. В. Юрчак полагает, что «это примерно тридцать лет советской истории с конца сталинского периода до начала перестройки (начало 1950-х — середина 1980-х), когда советская система воспринималась большинством советских граждан и большинством зарубежных наблюдателей как система мощная и незыблемая»⁹⁵. В основном же в историографии под «поздним социализмом» понимается именно брежневский период. При этом не личность Брежнева, а структурный анализ социально-экономической ситуации, власть, общество, идеология находятся в центре внимания исследователей, что и определило проблемное поле Антологии.

После ухода из жизни Л. И. Брежнева прошло не так много по историческим меркам времени, хотя за эти 40 лет уже написано

⁹⁵ Юрчак А. В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: ИЛЮ, 2014. С. 36.

большое число воспоминаний, опубликованы документы, на основе которых создана уже не одна биография политического лидера эпохи «позднего социализма». Этот временной отрезок пока еще не позволяет выстраивать структуру Антологии в исключительно хронологическом порядке (хотя он и учтен), поскольку ряд источников (например, мемуары современников) публиковались на протяжении многих лет, и их невозможно отнести к конкретному периоду, если конечно, не заниматься специально и только эго-документами. Поэтому в композиционном решении предпочтение было отдано видовому принципу.

Помещенные в Антологию материалы разделены на две основные части.

Первая содержит свидетельства современников Л. И. Брежнева в период его руководства страной, опубликованные как непосредственно при его жизни (публицистика), так и после смерти (мемуары, дневники, первые опыты аналитики). Контрастные, часто взаимоисключающие характеристики позволяют читателю ощутить не только сложность реконструируемого образа первого лица государства, но и окунуться в водоворот политических страстей, интриг, а также представить многовариантность предлагаемых моделей реформирования «развитого социализма». Из выделенных здесь трех подгрупп *первые две* охватывают мемуары ближайших соратников Л. И. Брежнева по руководству страной (коллегиальность управления подчеркивается многими исследователями), советских дипломатов и советников генсека по международным вопросам. Этот блок выделен в силу признанной значимости непосредственной роли Брежнева в процессе достижения «разрядки».

В третью подгруппу включены материалы, отражающие восприятие социалистической действительности и непосредственно Л. И. Брежнева его западными современниками. Они представлены, *во-первых*, мемуарами тех руководителей государств, с кем Брежневу довелось встречаться, вести переговоры и частные беседы как в «энергичный» период его деятельности, так и в последние годы, отмеченные серьезным нездоровьем. *Во-вторых*, значительное место здесь отведено эмигрантской/диссидентской публицистике. Знакомство с этими текстами, по нашему мнению, представляет значительный интерес в силу двух обстоятельств. Во-первых, они до сих пор остаются малоизвестны, а целый ряд авторов не известен вовсе, не только широкому кругу читателей, но и специалистам. В публицистике перестроечного времени звучали преимущественно знаковые имена советских диссидентов, хотя их тексты продолжали носить привычный ярко протестный характер, что, собственно, и требовало то время. Аналитические же

статьи экономистов, политологов, социологов, оказавшихся за рубежом, были «тяжелы» для восприятия в череде стремительно меняющихся обстоятельств времени, а посему либо остались вне поля зрения публикаторов наследия зарубежных соотечественников, либо печатались в малом числе. И, во-вторых, интерес к этим публикациям определен тем вниманием, которое уделяли им на Западе. Уже упоминавшийся известный американский историк Мартин Малиа, комментируя и критикуя излишнюю доверчивость западных экспертов в оценке развития СССР и, в частности его экономического потенциала, к советской статистике, замечает, что высокое мнение о советских достижениях повлияло и на оценки ЦРУ США, где оно, конечно, рассматривалось как мерило советской угрозы. При этом Малиа подчеркивал, что заблуждения американских экспертов в определенной мере корректировались информацией советских специалистов, выехавших из СССР. И, *в-третьих*, в данную подгруппу вошли аналитические статьи видных американских советологов, относящиеся к последним годам правления Л. И. Брежнева, а потому рассматривающие в динамике уже всю близящуюся к завершению «брежневскую эпоху». Эти тексты не были ранее переведены и заслуживают, по нашему мнению, внимания как воспроизводящие оценки «оттуда» в режиме «текущего времени».

Вторая часть Антологии представлена публикациями 1990-х — 2000-х годов, в которых личность Л. И. Брежнева и его время рассмотрены в исторической науке и публицистике. Эта часть также поделена на подгруппы.

В *первую подгруппу* мы включили работы современных российских историков и публицистов. Это довольно разноплановые публикации, в которых просматриваются мировоззренческие приоритеты их авторов, те идейные установки, которые легли в основу даваемых Л. И. Брежневу и «брежневской эпохе» оценок — от «застоя» до «золотого века». Аргументы авторитетных и уже хорошо известных авторов (Д. А. Волкогонов, Р. А. Медведев, Л. М. Млечин и др.) здесь могут быть сопоставлены с доводами оппонентов (А. М. Буровский, С. Н. Семанов, А. Е. Хинштейн и др.).

Вторая подгруппа представлена наиболее интересными исследованиями западных историков, которые задали новый вектор изучения наследия «позднего социализма» и роли Л. И. Брежнева в истории страны. Наряду с фрагментами из фундаментальных и признанных историческим сообществом исследований зарубежных историков (С. Шаттенберг, А. Юрчак) здесь помещены статьи, не переводившиеся ранее и не опубликованные в русскоязычной научной периодике, но достаточно известные специалистам и на-

шедшие отражение в историографических обзорах российских авторов. Эти публикации интересны тем, что в них преодолевается западная традиция исключительно негативной оценки периода «позднего социализма» как застоя, предпринят разбор «советологических» работ второй половины XX в., предложено заново «оглянуться на Брежнева» и попытаться понять не только то, что разрушило Советский Союз, но и то, что его скрепляло.

Таким образом, отбирая материалы для Антологии, составители стремились не только познакомить читателей с ранее неизвестными (или малоизвестными) текстами, расширив тем самым представление о сложившихся к настоящему времени взглядах на брежневскую эпоху, но и показать, до какой степени отказ от устоявшейся ранее системы ценностей и замещение их новыми меняет отношение к прошлому. Что же касается самого Л. И. Брежнева, то свидетельства его современников и более поздние исторические исследования показывают, что он принадлежал системе, не стремясь выйти за ее пределы, и продолжал «советский эксперимент» в меру своих способностей (в чем-то выдающихся, в чем-то слабых), в классических традициях «партийного руководства». Судить о нем будут очень по-разному и дальше, но в любом случае мерилom оценок останется тот интеллектуальный багаж и жизненный опыт, которыми обременен каждый рассуждающий на этот счет.

